

Чжан Шу раньше видел, как это делают, но сам никогда не пробовал плести, даже когда был моложе. Даже когда он постарел, односельчане не звали его помогать.

— Дедушка, я пойду с тобой?

— Хорошо, тогда пойдём.

Чжан Шу и дедушка Чжан вместе отправились на деревенскую площадку для сушки зерна. Уже наступила осень, утреннее солнце мягко грело, и старики и старухи деревни, взяв с собой скамейки, сидели здесь, болтали и занимались делами. Позже, когда стало жарче, они переходили к въезду в деревню, где была тень от деревьев.

Поэтому сейчас на площадке для сушки зерна остались только те, кто занимался плетением.

Площадка была завалена соломой, каждая семья принесла солому, оставшуюся с прошлого года, и уже двое-трое стариков сидели и начинали плести.

Техника плетения была проста: верхние концы двух пучков соломы связывали вместе, а затем ладонями скручивали в веревку.

Чжан Шу не очень хорошо справлялся с этой работой. После того как он скрутил одну веревку, следующая уже не получалась. Другие постоянно добавляли солому снизу, скручивая длинные веревки. А у него вторая веревка просто рассыпалась.

Дедушка Чжан, скручивая веревку, с улыбкой смотрел на Чжан Шу, его взгляд был полон доброты.

— Ашу, у вас, молодых, руки нежные, и сила приложена не туда, ты лучше просто подавай мне солому.

Чжан Шу покраснел, заметив, что на площадке сидели малыши в штанишках с открытым задом, которые подавали солому своим дедушкам. Ему было стыдно делать то же самое.

— Дедушка, дома дров почти не осталось, я пойду нарубить немного.

Сказав это, Чжан Шу поспешно ушел, вызвав добродушный смех у оставшихся.

На пути домой с площадки для сушки зерна Чжан Шу встретил Ван Чанфа, Чжу Дабао и Дагоуцзы. Они сидели у дороги в куче хвороста, перед ними стояли две разбитые миски с тремя игральными костями. Ван Чанфа, похоже, был банкометом, он с силой тряс мисками, так что казалось, они вот-вот разобьются.

Двое других внимательно следили за его действиями, их уши были напряжены, словно они могли услышать, что происходит внутри.

Перед ними лежало несколько медяков, видимо, они играли на деньги.

— Больше, больше, больше!

Чжу Дабао тяжело дышал, его ноздри раздувались, глаза покраснели, и он продолжал кричать.

— Один, три, четыре — мало! Ха-ха, эти медяки мои!

Ван Чанфа с радостью собрал медяки перед Чжу Дабао и Дагоуцзы.

Чжу Дабао с досадой вздохнул, а Дагоуцзы нахмурился, его маленькие, как у мыши, глаза забегали. Он огляделся и вдруг заметил Чжан Шу.

— Эй, эй, посмотрите, что этот дурак делает? — Дагоуцзы толкнул Чжу Дабао, указывая на Чжан Шу.

Чжу Дабао и Ван Чанфа, увидев Чжан Шу, напряглись, вспомнив, как он в прошлый раз дрался, словно готовый на все.

Чжан Шу, заметив, что они его увидели, улыбнулся и приготовился уйти.

Дагоуцзы, видя, что Чжу Дабао и Ван Чанфа, которые обычно любили издеваться над Чжан Шу, не пытаются его остановить, удивился.

— Ван Лаода, давай попросим у этого дурака пару монет?

— Иди сам, у меня сейчас есть деньги, — Ван Чанфа, подбрасывая выигранные медяки, даже не взглянул на него и равнодушно ответил.

— Толстяк, давай пойдём? — Дагоуцзы, видя, что Ван Чанфа не соглашается, обратился к Чжу Дабао.

— Я? Я не пойду, этот Чжан Шу бьет...

Чжу Дабао сжался, вспомнив прошлый раз.

— Ты что, не пойдешь? Он уже уходит, — Ван Чанфа прервал его, указывая на Чжан Шу, который уже был в нескольких шагах.

Дагоуцзы, увидев это, резко встал, взобрался на дорогу и побежал к Чжан Шу.

— Эй, Лаода, почему ты не сказал ему, что Чжан Шу стал сильнее? — Чжу Дабао с недоумением спросил.

Ван Чанфа посмотрел на него: если бы он сказал, разве было бы интересно? К тому же он хотел посмотреть, действительно ли Чжан Шу стал сильнее или это был всего лишь единичный случай.

Чжан Шу нахмурился, глядя на Дагоуцзы, который преградил ему путь, и не понимал, что тот задумал.

— Брат Чжан Шу, на днях Лайван снова брал вас в уезд? Сколько заработали? Дайте пару монет, а?

Дагоуцзы улыбался, но в душе злился на Чжан Шу.

Он считал, что Лайван не взял его из-за Чжан Шу, хотя на самом деле в прошлый раз он работал лениво и много ел, и хозяин уже был недоволен. Лайван не мог позволить такому человеку испортить репутацию деревни.

Одолжить деньги? Это был откровенный грабеж! Чжан Шу посмотрел на него с неодобрением. Он думал, что после того, как побил Ван Чанфа и Чжу Дабао, эти люди поутихнут, но оказалось, что есть и такие, кто не учится на своих ошибках.

Он огляделся и понял, что здесь только Дагоуцзы. Видимо, Ван Чанфа и Чжу Дабао уже поумнели. Но Дагоуцзы, похоже, не понимал, пока не увидит гроба.

— Нет денег, не дам, — коротко ответил Чжан Шу и приготовился уйти.

Заработанные деньги он потратил на несколько десятков медяков, а затем разделил их пополам между бабушкой и Ли Муцзинем. У самого ни гроша не осталось.

Фальшивая улыбка Дагоуцзы застыла, он был крайне недоволен таким прямым отказом.

— Ты что, шутишь? Как это может быть, что у тебя нет ни монеты?

— Если бы и были, тебе бы не дал! — Чжан Шу остановился и развернулся к Дагоуцзы. — Что, есть претензии?

Дагоуцзы, видя его недобрый взгляд и ощущая исходящую от него угрожающую ауру, вдруг почувствовал страх. Он слышал, что Чжан Шу один справился с Ван Чанфа и Чжу Дабао, но думал, что это просто слухи. Теперь же Чжан Шу не только не боялся, но и выглядел так, будто готов был ударить. Дагоуцзы запаниковал.

— Нет претензий, нет претензии. Просто думал, что мы соседи, раз у тебя тоже туго, я пойду спрошу у других, у других... спрошу.

Последние слова прозвучали уже издалека, когда Дагоуцзы был уже в нескольких шагах.

Чжан Шу думал, что сегодня придется подраться, но не ожидал, что Дагоуцзы просто убежит, что оставило его в полном недоумении.

Вернувшись домой, он обнаружил, что бабушки нет, ворота были приоткрыты, и он легко вошел.

Чжан Шу направился в сарай, взял тесак, коромысло и веревку и отправился в горы.

Дрова и траву они обычно заготавливали за деревней, заодно очищая дорогу по краям.

Уже наступила осень, трава и деревья пожелтели, и Чжан Шу быстро нарубил две вязанки дров, обмотал их веревкой, продел коромысло и понес домой.

Вернувшись, он увидел, что бабушка уже дома, и сложил дрова в углу двора, чтобы завтра высушить их и убрать в сарай.

— Ашу, зачем ты пошел за дровами? Сегодня праздник, не надо так усердствовать, — бабушка подала ему чашу воды, ее глаза полны заботы.

— Ничего страшного, бабушка. А ты куда ходила? — Чжан Шу выпил воду залпом и спросил.

— Я ходила к свату. Подумала, что после Праздника середины осени пойду в дом Ли свататься. Сначала договорюсь с ним, потом спрошу, все ли готово.

Чжан Шу покраснел при этих словах, особенно когда бабушка с улыбкой смотрела на него.

— Бабушка, все... готово? Может, завтра я еще что-нибудь куплю? — Чжан Шу замялся, хотя и чувствовал неловкость, но все же спросил.

— Не беспокойся, я уже дважды невестку в дом приводила, все давно готово.

Вещи, которые нужно было дополнительно для гера, она тоже узнала и купила.

— ...Тогда хорошо, бабушка, я пойду посмотрю, как дедушка.

Чжан Шу снова поспешно ретировался.

На площадке для сушки зерна теперь сидело семь-восемь стариков, они смеялись и болтали, что делало дедушку Чжана особенно молчаливым, но все уже привыкли к тому, что он не любит говорить.

Веревки были почти готовы, и самый старый в деревне Юй Саньбо начал плести башню. Он сначала воткнул острый кусок дерева в землю, а затем обмотал его длинной веревкой, делая нижние витки шире. Когда веревка закончилась, получилась острая вершина башни.

<http://bllate.org/book/16721/1537415>